

А. БЕЛЫЙ

Литературный дневник (1899—1907)

Легкой критической рапирой, изящно-свистящей, вооружен Антон Крайний. Прекрасные рисует рапира вензеля, шутливо посвистывает у носа противника, вызывая на нападение, а то злобно взвизгнет и расплачется гибким блеском. Легким свистом шелковистым раздражить, и кажется — легко сразить такого противника, как Антон Крайний: о, не всегда его удастся сразить, — попробуйте: перейдите в нападение; искусству фехтоваться не обучались критики российские: большинство из них искони дралось на кулачках, ну, а иные, маркой выше, как тяжело вооруженные выступают они на бой; пока-то соберутся! Непременно пицаль пудовую потащут за собой, да и подставку для пицали прихватят: благородно, почтенно, традиционно — но, бог мой! — пока-то заряжают они пицаль (десять печатных страниц!), пока-то установят подставку (еще десять страниц!), пока на врага свою ручную наводят пушку (десять страниц!), высекают огонь (десять страниц!) да выпалят (десять страниц; итого пятьдесят), — две-три строчки Антона Крайнего (шелковистый свист искристого лезвия!) способны нанести серьезные поранения той или иной вооруженной маститости. А кулачников критики российской буквально рядами укладывает рапира Антона Крайнего. Недаром в былые годы они устраивали облавы на изящного публициста.

Теперь собраны некоторые из статей его в одном сборнике; и собрание их обнажает в публицисте уязвимое место: это — форсированная небрежность, с которой разделяется он с рядом вопросов. Что, если бы вышел противник, обученный фехтованью? Побрызгали бы они зарницами блеска, стекающими с лезвий, а потом противник бы предложил перейти к эспадронам. Тяжел эскадрон методологического исследования для изящной ручки нашей талантливой поэтессы, укрывающейся

под псевдонимом Антона Крайнего! Что, если бы противник замахнулся эскадрой, перенесся вопрос о свободе или предопределенности творчества в область анализа основных понятий «свободы», «необходимости», «творчества», «искусства»? Бедный Антон Крайний, привыкший к небрежному отношению к противникам на основании прежних схваток с кулачниками да с неуклюжими стрельцами из пицалей: тяжелый эскадрон (слишком тяжелый для изящной ручки, посвистывающей рапирой) выпал бы скоро из ее рук!

А противник бы наступал: «Вы строите свое нападение на ряде непродуманных суждений; вы не выдвигаете ни одного вопроса во всей его серьезности; между тем заключаете, что искусство индивидуальное устарело, будучи лишь переходом от низшей формы тенденциозности к высшей. Ваши нападки справедливы, быть может, если бы вы имели дело с Емельяновым-Коханским или с Мачтетом, но перед вами Брюсов. Не говорю уже о Гете: его-то куда прикажете вы девать? С ним что поделаете? Антон Крайний, защищайтесь: где свистящий блеск вашей рапиры? Эскадрон неловко вихляется у вас в руках». И противник бы наступал, а Антон Крайний отступал... «Вы утверждаете, что эстетический индивидуализм сыграл свою роль, и оперируете произвольно с понятием, требующим методологической обработки; сложна проблема индивидуальности: есть индивидуальность психологическая, эмпирическая, метафизическая, общественная, религиозная. Каково же у вас содержание понятия “индивидуальности”? Каков процесс индивидуального развития и каковы нормы этого процесса? Или для вас не существуют проблемы индивидуальности, поднимаемые научно-философскими дисциплинами? или вы зачеркиваете работы Гельмгольца, Фехнера, Фолькельта, Липпса, Оствальда, касающиеся искусства? Индивидуализм в искусстве — это вопрос, требующий сложной разработки, спорный и темный, и не свистом вашей, хотя и прекрасной, но — увы! — слабой рапиры он разрешится, а союзом или войной методологических крепостей, вооруженных дальноточными орудиями; посмотрел бы я, что предпримете, когда разорвется над вами хотя бы одна серьезная граната. И не мы вам ответим: мы даму пощадим. Вы думали, что боретесь с нами, с индивидуалистами, — о, нет! — вы боролись не с нами, а с мальчишками из приговоренного класса, грозящими вам бумажной стрелой. Трах — эскадрон выпал из рук; защищайтесь же, мы не воспользуемся вашей неловкостью».

«Вы обнаруживаете незнание терминов: когда говорите об индивидуализме, то под ним понимаете солипсизм. Что вы требу-

ете от современного искусства, вы, его представитель? Неужели коллективного творчества христианских ценностей? И так на сложность методологических вопросов обрушиваетесь вы Христом и Антихристом? Так оскопляетесь вы культуру, и не “скопцам” (ваше определение декадентов) учить вас тому, что культура многогранна».

«Ну, довольно сражаться на эскадрах: мы ведь не забываем, что имеем дело с дамой; мы не обрушимся на нее гносеологией; возьмемте рапиру: давайте фехтоваться на равных основаниях. Итак, куда же у вас денутся Пушкин, Байрон, Гете, Ницше? Или они — представители церковного искусства? Или они писали каноны? Трах — кончик рапиры сломался у вас: еще рапиру!»

«Ну, Бог с вами: поговорим о декадентах-идеалистах, которых вы окрестили когда-то собачками Гриньками, скопцами и другими в высшей степени любезными определениями. Бедные индивидуалисты-декаденты: пока, игнорируя культуру, науку, искусство, вы трудились над созданием небывалого соборного искусства, которое должно вызвать в вас такое приятное воспоминание (вспомните ваши недавние статьи), да скуки ради бранились собачкой Гринькой, индивидуалисты создавали произведения, которые навсегда останутся в литературе русской, сидели над трактатами по истории искусства, культуры и теории познания, попутно любясь зигзагами безобидной для них рапиры и игнорируя, что рапира рисовала слово “скопцы” по адресу их: ах, ваша бедная рапира, столь субъективная в нападке на индивидуалистов, столь индивидуальная в своем “сверхиндивидуальном” пророчестве! Опять она сломалась; еще рапиру».

«З. Н. Гиппиус — “декадентская поэтесса”: г. А. Крайний, кто она, по вашему мнению, — не правда ли, “с о б а ч к а Г р и н ь к а”, “с к о п е ц”? Нет уж, г. Крайний: позвольте нам, индивидуалистам по существу или индивидуалистам по тактике, дружно встать на ее защиту. Ах, г-н Крайний: маска слетела с вашего лица: перед нами уважаемая поэтесса. Что может сделать галантный кавалер, как не опустить рапиру; как не подставить грудь под удары изящной ручки!»

Вот что сказал бы действительный противник и потом начал бы без игры разбирать положение за положением Антона Крайнего. Мы не станем так поступать. Тяжба, затеянная когда-то задорным А. Крайним с декадентами, — увы! — она решена не в его пользу; вместе с «отупительным» московским декадентством, с «проникающим во все двери» («сразу проникнуть умеешь во все ты») В. Брюсовым и «не докисшим» А. Белым, талантливый публицист награждал ударами своей

рапиры петербургский «сверхиндивидуализм» — плоть от плоти чайний Крайнего. А «тупительное» декаденство «острее» поняло мотивы острого критика в болезненно-«тупительном» отношении его к товарищам по перу. Эти товарищи — «с к о п ц ы, от ч р е в а м а т е р н е г о р о ж д е н н ы е» — оказались вдруг не лишенными «ч у в с т в а н е о с п о р и м о г о, к а к з н а т ь, ч т о я н е о д и н в м и р е, н о о к р у ж е н м н е п о д о б н ы м и». А вот А. Крайний, нас укорявший в отсутствии чувства солидарности, совершил этот грех, перепечатал старые возмутительные слова, опровергнутые очевидностью.

И не «н е д о к и с ш е м у» индивидуалисту Белому указывать на это «перекисшему» христианскому сознанию Антона Крайнего.

И если у Антона Крайнего есть честность мысли, не должна ли выпасть его рапира, такая изящная, такая легкая, когда обращает он ее против нас? В руках капризного субъективизма рапира сверхиндивидуальной публицистики годна лишь для малограмотной оравы кулачников или для неуклюжего стрелца из пищали.

